

## Красная звезда

Все дальше отделяет нас время от тех трагических и героических событий. Мы преклоняемся перед теми, кто ковал Победу, одну на всех... Среди них инженер-капитан I ранга, профессор, доктор технических наук Евгений Петрович Чуров. Он с 1940 по 1944 год служил на Ладожском озере. Активный участник боевых действий Краснознаменной Ладожской военной флотилии и Краснознаменного Балтийского флота. Как гидрограф, первым обследовал фарватер и ледовую дорогу на трассе Осиновец – Кобона. Руководил гидрографическими работами на Ладоге. Автор руководств для плавания кораблей по Ладожскому озеру, действовавших во время войны.

Впервые он познакомился с Ладожским озером вскоре после окончания училища – в июне 1940 года. Тогда его назначили начальником гидрографической партии Озерного района Гидрографической службы КБФ.

Ехал к новому месту службы без большого желания. На то были, казалось, веские основания. Главное из них: озеро – не море, настоящего флота там нет. Ведь вместе с товарищами по выпуску он изъявил желание служить на Тихом океане. Товарищи шутили: — Не унывай, Компас!

Это потом – овеянные славой, промчатся сквозь годы крылатые слова – Дорога жизни. Это будет потом. А сейчас – вокруг морозная чернильная темнота, исхлестанная метелью, и шестеро лыжников, которые спускаются на ладожский лед. Они в валенках и ушанках, под белыми маскхалатами – полушубки, ватные брюки... У троих – это матросы – за спинами самозарядные винтовки.

Еще на лед бережно спускаются санки с громоздким грузом. Там – корабельный компас. Второй компас, поменьше, шлюпочный, – в ящике, подвешенном на груди у идущего первым. Он же сталкивает легкие финские сани. Поперек сиденья уложена связка шестов-вех.

Наблюдатели наших береговых батарей давно заметили движение на льду. Но батареи молчат. Все части, охраняющие побережье, предупреждены. Десяток метров, другой – и белые халаты растворяются в темноте, а ветер скрывает шуршание лыж и полозьев. Лишь примятый снег на отлогом берегу говорит о том, что здесь только что прошли люди.

Дата – 15 ноября 1941 года. Время – около полуночи.

Дней за десять до этого лейтенант Евгений Чуров, гидрограф с Ладоги, побывал в Ленинграде. Уже давали о себе знать «береговые» двести граммов хлеба и соответствующий им приварок. Но когда, меняя попутные машины, Чуров добрался, наконец, до Ленинграда и увидел прохожих, то понял, что он в этом городе не самый голодный человек.

Евгений Петрович знал, зачем его вызывают. Еще в октябре Военный совет Ленинградского фронта решил проложить по льду Шлиссельбургской губы автомобильную дорогу.

Чурова позвали потому, что он имел уже боевой опыт, хорошо знал Ладогу – по словам одного древнего шведа, «ядовитое и бурное море»...

Теперь ледовый панцирь этого моря должны обеспечить связь Ленинграда с Большой землей. Здесь пройдет дорога от Осиновца или Коккореево до Кобоны. В доме под шпилем, как издавна моряки называют Адмиралтейство, Чурову пригодилось все, что он накопил на Ладоге. Даже рассказ



Герои Ладоги в школьном музее «Краснознаменной Ладожской флотилии и Северо-Западного речного пароходства»: (слева направо) доктор технических наук, профессор, Е. П. Чуров, капитан I ранга Н.Н. Мещерский, председатель комитета ветеранов КЛФ З.Г. Русаков, командир подводной лодки, капитан I ранга С.П. Татаринов. 1968 год.

## Первый путь, он трудный самый...



полюбившегося ему старого лоцмана Денисова, учившего молодого командира, как с помощью простой щепки, брошенной в прорубь, узнать, все ли озеро сковано льдом или только его часть.

Уже тогда, верно, бродила в Чурове заваска, которая сделала его человеком науки. Конечно, не только рассказы старого лоцмана, а рукопись принёс он в Адмиралтейство – рукопись лоции «Описание шхер Ладожского озера». И скажет, что работает над второй книгой, посвященной южной части «ядовитого» моря. И он напишет ее в грозном 1942-м в крошечных каютках ладожских тральщиков, отбрасывая перо, чтобы занять свое место по боевой тревоге.

А Николая Михайловича Денисова запомнит навсегда. Они очень нравились друг другу – старик-лоцман и гидрограф с золотыми лейтенантскими нашивками. Пройдет много лет, лейтенант станет инженер-капитаном I ранга, доктором технических наук, профессором и в воспоминаниях бывшего флагманского штурмана КБФ контр-адмирала в отставке Б.В. Румянцева прочтает такие слова о себе: «Все мы особенно любили лейтенанта Женю Чурова. Он за искреннюю дружбу платил двойной привязанностью». Прочтает, и промелькнет, как на экране, лица моряков. Боевых товарищей, которым он, Чуров, отдавал все тепло своего сердца.

Но это будет еще не скоро – золотистый круг от лампы на письменном столе и статья адмирала. А сейчас, посреди вьюжной морозной ночи, лейтенант Чуров не знает, что его ждет не только через четверть века, а даже через 25 секунд. Ибо фашисты неподалеку. И никто не может сказать, где спасение Ленинграда. И они этот путь пройдут.

Тонкий лед предательски трещит и прогибается. Чуров приказывает всем обвязаться сигнальным флагом и держаться друг от друга не ближе полусотни метров, на всякий случай. Кажется, еще ниже спустились черные облака, еще сильнее колющие удары ветра. Когда углубились на несколько километров, исчез тонкий слой снега, сметенный ветром. Перед разведчиками расстился гладкий, словно отполированный лед. Сняли лыжи, но они еще были нужны. Когда лед особенно прогибался, положенные рядом лыжи страховали от возможного несчастья. С лыжами форсировали промоины и трещины.

Побивая лунки, измеряли толщину льда. Она не превышала десяти сантиметров. По такому шли смело. Но бывали участки даже пятисантиметрового льда. По тому, как он колебался под ногами, по характеру колебания научились определять приближение к промоинам, приближение к опасности.

Двигались медленно. Много времени уходило на измерение. В те секунды, что Чуров включал фонарик, определяя толщину, или глядел на компас, краснофлотцы прикрывали его сложенной плащ-палаткой... Все делали молча. Сработались. Есть лунка. Промер. Теперь установить веху. По пройденному расстоянию и курсу определялись примерные координаты вехи. Трасса, нанесенная на карту, постепенно удлиняется...

А большой компас все шалит. Картушка, словно нехотя, принимает нужное положение.

Новая беда: перед разведчиками возникает гряда торосов. Неужели сбились с курса и вылезли к берегу? Дмитриев, горячий, нетерпеливый человек, бросается вперед: «Черт побери, откуда тут быть торосам!

– и растягивает ногу, хромает, морщится от боли. – Володя, дальше тебе идти нельзя».

Сказав это Чуров умолкает. Похоже, Ладога отбила первый натиск разведчиков. Придется возвращаться всем. Плохо, но другого выхода нет. Короткий привал. Надо подкрепиться. Пир недолог: у каждого разведчика по 200 граммов хлеба, по три куска сахара и на всех одна соленая треска... Зато воды, чистой ладожской воды, такой ледяной, что ломит зубы, – сколько угодно.

Сначала Дмитриева везут на санях, а километрах в двух от берега, в полосе торосов, Чуров взваливает пострадавшего на свою спину. Уже засветло лейтенант приносит Дмитриева на Осиновецкий маяк.

Чуров видит: краснофлотцы выбились из сил.

Он берет других, заменяет компас и ... возвращается на озеро. Лейтенант не спит уже вторые сутки, а впереди еще 30 километров до Кобоны. Но зато светит солнце, и хотя мороз – уже минус двадцать, шагать веселее, чем ночью. Правда, появляется угроза с воздуха. Трижды налетают «мессеры»...

Кроме вех, Чуров взял еще несколько елок. Они потом будут служить хорошими ориентирами.

Короткий ноябрьский день на исходе. Темнеет. Вторая ночь на льду. Идти становится все труднее. Дают о себе знать усталость и голод. Очень хочется тепла, любого убежища, чтобы скрыться, наконец, от пронизывающего ветра.

17 ноября. 4 часа утра. Кобона. Все. Но надо еще доложить по телефону о выполнении приказа. В Новой Ладоге начальник гидрографического района снимает трубку и слышит охрипший, но радостный голос: «Докладывает лейтенант Чуров. Трасса Осиновец – острова Зеленцы – Кобона нанесены на карту!».

Весть из Новой Ладоги летит в Ленинград, где ее очень ждут в штабах. Значит, по Ладоге можно будет проехать. На основании доклада командование КБФ, Военный совет Ленинградского фронта принимают решение о фактической прокладке трассы.

17 ноября. 8 часов утра. Коккореево. На озеро выходит армейский отряд под командой воентехника второго ранга Л.Н.Сokolова. 30 солдат вооружены пешнями, на санках везут вехи. Прокладывается трасса Коккореево – Зеленцы – Кобона... Чуров и его краснофлотцы в это время спят в домике Прасковьи Алексеевны Бельдюгиной. Однажды старая женщина прислала профессору письмо, несколько простых, по-человечески хороших строк. И смысл их прост: «Мы помним тебя, Женя».

Это неплохо рекомендует человека, если годами помнят о нем люди, с которыми судьба сводила его ненадолго. Разве мало могли сказать бы о Чурове, например, матросы, участники смелой ночной вылазки на остров, занятый врагом. Выяснив все, что требовалось, моряки переправлялись на свой «охотник», стоявший неподалеку от берега. Все было бы хорошо, но внезапный хлопок двигателя всполошил противника. Жестокий обстрел. Чуров последним поднимался на борт корабля, словно прикрывая матросов. И был тяжело ранен именно в те секунды.

Но он еще не может знать этого во время короткого отдыха в Кобоне, на который отпущено всего несколько часов. Теперь надо пройти трассу в обратном направлении, предварительно поднявшись до кромки льда, где-то в районе Кареджи ...Еще 40 километров. Вскоре после того, как он вернулся, наконец, в свою землянку неподалеку от Осиновца, на Ладогу вышли первые машины.

**Виктория ИЛЮШИНА,**  
курсант Нахимовского  
военно-морского училища